

УДК 1 (091)

ОБЩИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ О БЛАГЕ, ЭТИКА НАУКИ И ТРАНСЦЕНДЕНТАЛИЗМ

С. Б. Куликов

Томский государственный педагогический университет (г. Томск)
kulikov.sergh@gmail.com

Аннотация. Цель данного исследования – проверить гипотезу о трансцендентальном характере этики науки. Проверка выполняется в ходе анализа высказываний Мура и Витгенштейна об этике. Данные высказывания соотносятся с основными пунктами теории этоса науки у Мертона. Автор реализует метод сравнительного анализа, который позволяет уточнить высказывания исследуемых авторов относительно трансцендентального понимания этики Витгенштейном. Проясняются перспективы согласования такого понимания с интерпретацией научной этики в теории этоса науки. В результате исследование показывает связь этики науки с вопросами социальной психологии, которые, однако, оказываются слабо связаны с логическими принципами. Поэтому высказывания в теории этоса науки несвободны от трудностей, выявленных при анализе общеэтических высказываний. Затруднительный характер выражения этических норм в форме ‘*aRb*’ позволяет установить, что этика науки, равно как и общая этика, имеет трансцендентальный характер и не может быть однозначно выражена. Это затрудняет понимание смысла норм в рамках этики науки, но не лишает их значимости в плане демонстрации правил поведения.

Ключевые слова: высказывания о благе, трансцендентализм, этика науки, Витгенштейн, Мертон.

Для цитирования: Куликов, С. Б. (2023). Общие высказывания о благе, этика науки и трансцендентализм. *Respublica Literaria*. Т. 4. № 1. С.52-61. DOI: 10.47850/RL.2023.4.1.52-61

GENERAL STATEMENTS ABOUT THE GOOD, ETHICS OF SCIENCE AND TRANSCENDENTALISM

S. B. Kulikov

Tomsk State Pedagogical University (Tomsk)
kulikov.sergh@gmail.com

Abstract. The purpose of this research is to probe the hypothesis about the transcendental nature of the ethics of science as a kind of knowledge. The author makes the test during the analysis of Wittgenstein's statements about ethics concerning the main points of the Mertonian theory of the ethos of science. The author implements a method of comparative analysis, which allows clarifying the statements regarding the transcendental understanding of ethics. The research discloses the prospects for harmonizing transcendental understanding with the interpretation of scientific ethics from the perspective of the theory of the ethos of science. As a result, the research shows the connection of the ethics of science with the issues of social psychology which are poorly connected with logical principles of rational thinking. The statements in the theory of the ethos of science depend on the difficulties by the logical attitude. The transcendental nature of scientific ethics makes it difficult to understand the meaning of norms and values within the framework of the ethics of science, but does not deprive them of their importance in demonstrating rules of behavior.

Keywords: statements about the good, transcendentalism, ethics of science, Wittgenstein, Merton.

For citation: Kulikov, S. B. (2023). General Statements About the Good, Ethics of Science and Transcendentalism. *Respublica Literaria*. Vol. 4. no. 1. pp. 52-61. DOI: 10.47850/RL.2023.4.1.52-61

Решение исследовательских задач по раскрытию связей между общей этикой и этикой науки требует уточнения ключевых понятий данной работы. Этика понимается вслед за Дж. Муром как общее исследование «что есть благо» (the general enquiry into what is good), к чему могут быть сведены остальные определения этики [Moore, 1922, p. 2]. Следование Л. Витгенштейна той же интерпретации этики [Wittgenstein, 1965, p. 4], но выделение в конечном итоге трансцендентального, т. е. в прямом смысле «выходящего за пределы» характера этических высказываний [Wittgenstein, 1922, p. 183], позволяет актуализировать ряд принципиальных вопросов в отношении этики науки. Смысл вопросов заключен в прояснении следующих моментов: (1) насколько этика науки может быть понята как исследование «что есть благо в науке», а также (2) в какой мере правомерным будет считать этику науки трансцендентальным знанием?

Проблема исследования – экспликация трансцендентального характера этики науки, что затрагивает далеко не все ветви трансцендентализма и не всю этику науки. Исследовательский интерес связан с конкретным моментом возможной логической субординации теоретических построений Р. К. Мертона относительно этоса науки [Merton, 1973, pp. 268-278] и высказываний Витгенштейна относительно трансцендентального характера этики [Wittgenstein, 1922, pp. 183-184]. Автор полагает вполне вероятным в общем плане дедуцировать положения об этосе у Мертона из утверждений о природе этических высказываний у Витгенштейна. Для выдвижения такой гипотезы есть по крайней мере две причины.

Первая причина отсылает к тому, что высказывания Витгенштейна, сформулированные в эпистемологическом ключе, относятся тем самым к сфере общеэтического способа выражения правил поведения и общения. Положения же теории этоса науки у Мертона выдвинуты в рамках социологии знания и относятся к более частной области научных изысканий. Поэтому теоретически можно представить, что умозаключение будет строиться как вывод частных следствий из общих принципов. Это не значит, что утверждается прямая зависимость представлений Мертона в области этики науки от идей Витгенштейна, ибо не выявлены факты прямого цитирования. Речь идет о сугубо логическом характере отношений между двумя типами знаний, а именно логико-философским и социологическим. Логико-философский тип знания отсылает ко всем возможным способам отношения мысли к действительности, опосредованным формами логики и языка вплоть до полного совпадения границ мира и языка [Wittgenstein, 1922, p. 149], тогда как социология соответствует лишь одному из таких способов.

Вторая причина для выдвижения гипотезы о производном характере теории этоса науки заключается в наличии рецепции идей Мертона в философии науки, относящихся к структуре научного сообщества, равно как к логике и перспективам его развития. А. Ричардсон показал отношения теории этоса науки Мертона к некоторым направлениям философии науки [Richardson, 2004, pp. 855-858], не затронув, однако, вопрос о связи утверждений американского социолога и некоторых высказываний Витгенштейна. Была показана сила идей Мертона в плане эпистемологических привилегий науки, взаимообусловленности научного сообщества с демократическими институтами

и аргументации в пользу автономного характера науки. Ричардсон полагает, что Мертон – это вообще один из самых «аналитичных» социологов и убедительно демонстрирует прямой параллелизм между развитием социологических идей и положениями логического позитивизма. Вместе с тем отсутствие интереса к отношениям чисто логического плана между идеями Мертона и Витгенштейна обуславливает некоторое смещение исследовательской оптики. Можно предположить, что это философские высказывания детерминированы идеями, выдвинутыми в поле социологии. Вместе с тем, как показано в работах современных исследователей [Суровцев, Родин, 2020, с. 25-38; Kulikov, 2020, pp. 158-178] и будет особым образом аргументировано ниже, вполне возможно выявление обратной зависимости социологических идей от философских утверждений.

Тем самым *цель* данного исследования – проверить гипотезу о трансцендентальном характере этики науки. Проверка выполняется в ходе анализа высказываний Витгенштейна об этике в их отношении к основным пунктам теории этоса науки у Мертона. Автор реализует *метод* сравнительного анализа, который позволяет уточнить высказывания исследуемых авторов относительно трансцендентального понимания этики. Проясняются перспективы согласования такого понимания с интерпретацией научной этики с позиций теории этоса науки.

Структура работы включает два основных раздела, в которых обсуждаются вопросы (1) об области значения трансцендентальности этических высказываний по Витгенштейну и (2) о характере, демонстрируемом в высказываниях этики науки. В итоге в первом разделе раскрывается позиция Витгенштейна, представленная в соответствующих местах «Логико-философского трактата». Во втором разделе полученные результаты соотносятся с воззрениями Мертона на то, что поведение и общение ученых в обществе, т. е. функционирование науки как социального института, должно руководствоваться такими идеалами, как универсализм, коммунитаризм, незаинтересованность и организованный скептицизм.

Область значения трансцендентальности этических высказываний

В данном разделе проясняется подход, который предлагает Витгенштейн к интерпретации оснований для выдвижения этических высказываний. Основное содержание «Логико-философского трактата», равно как и других прижизненных и посмертных публикаций Витгенштейна, посвящено эпистемологическим вопросам о природе и границах логики в контексте познания мира и человека через формы мышления и языка. В круге таких вопросов, однако, достаточно важное место занимает вопрос о трансцендентальном характере утверждений в этике.

Вклад Витгенштейна в этику отмечен в современной исследовательской литературе. В некоторых работах даже полагают, что эпистемологические исследования Витгенштейна в целом выстроены в этическом русле [Гончарко, Гончарко, 2016, с. 107-114]. Вместе с тем А. М. Кристенсен (Christensen) считает, что этические идеи Витгенштейна как таковые позволяют раскрыть последовательную и радикальную альтернативу традиционным

вариантам концептуализации этики¹. Традиционно, при всех разночтениях, в этике видят положительное знание, выраженное в совокупности содержательных высказываний. В «Логико-философском трактате» этика интерпретируется как вид трансцендентальных утверждений, семантика которых принципиально выходит за пределы стандартных возможностей языкового описания, поскольку затрагивает предметы обозначений за границами простых утверждений “*aRb*” [Wittgenstein, 1922, p. 183]. В противном случае (далее – пример автора данной статьи) достаточно просто было бы найти область значения таких высказываний, скажем, как «Бог есть Благо» или «воля есть свободное деяние». Вместе с тем не в полной мере ясно, что есть в данном контексте «Бог» и «Благо» (и чем они отличаются от понятий «бог» и «благо» в написании этих понятий через строчные буквы), равно как требуют уточнения значения понятий «воля», «свобода», «деяние» и др.

В представленном исследовании принципиально важно более детально раскрыть содержание идей Витгенштейна. Это, поможет далее понять в каком смысле и насколько этика науки может быть дедуцирована из положений общей этики. Тем самым будет точнее прослежена связь этики науки и трансцендентальных по своему характеру высказываний.

Исходным пунктом анализа является тезис Витгенштейна о том, что все высказывания (пропозиции) имеют эквивалентную ценность². Этот тезис имеет три следствия, причем второе следствие позволяет получить собственные заключения частного порядка.

Первое следствие отсылает к полаганию смысла за пределами мира как представление о том, что происходящее в мире случается или не случается (т. е. есть или не есть). В этом моменте важно подчеркнуть, что происходящее в мире не имеет и не должно иметь особой ценности в смысле «лучше» или «хуже», т. е. находиться в соотношении с определенной ценностной шкалой. Происходящее случается здесь и сейчас, причем случается без высшего плана, ибо оно как таковое случайно в отношении мира. Это не значит, что неслучайного не существует в принципе. Неслучайное не относится к ситуациям внутри мира, а отсылает к некоторым «потусторонним» или внемировым явлениям и процессам³. Таким образом, все в мире (теоретически) может быть и случайно, и неслучайно (необходимо) одновременно, т. е. полагание смысла мира и его отрицание становятся равнозначными (равноценными), а значит они противоречивы.

В рамках раскрытия второго следствия тезиса о равноценности высказываний следует отметить, что Витгенштейн не утверждает напрямую противоречивость полаганий и отрицаний смысла мира, но его прочие тезисы позволяют сделать такой вывод. Поэтому Витгенштейн не *говорит*, что высказываться о смысле мира – это значит впадать

¹ Кристенсен непосредственно замечает: «If the ethical sections of the *Tractatus* are seen in connection with a specific idea of the concept of showing they, then reveal a coherent and radical alternative to traditional conceptions of ethics» [Christensen, 2004, p. 121].

² Витгенштейн выдвигает следующий тезис: «All propositions are of equal value» [Wittgenstein, 1922, p. 183].

³ Витгенштейн непосредственно полагает: «The sense of the world must lie outside the world. In the world everything is as it is and happens as it does happen. In it there is no value – and if there were, it would be of no value. If there is a value which is of value, it must lie outside all happening and being-so. For all happening and being-so is accidental. What makes it non-accidental cannot lie in the world, for otherwise this would again be accidental. It must lie outside the world» [Wittgenstein, 1922, p. 183].

в противоречия, он в прямом смысле *показывает* это. Непосредственным же образом отрицается возможность этических высказываний (пропозиций), которые не могут выражать что-либо высшее⁴. Из этого вытекают три следствия:

- этика ничего не выражает, она трансцендентальна;
- форма этического закона «ты должен ...» не предполагает наград за соблюдение и санкций за нарушение этических правил;
- нельзя говорить о воле, как о субъекте этического, хотя это и может составлять интерес для психологии⁵.

Полученные выводы позволяют выделить третье следствие тезиса о равноценности высказываний. В этом плане неважно, является ли воля, вносящая изменения в мир, «хорошей» или «плохой». Оценивать степень ее благодати можно только исходя из внемировых («запредельных» или трансцендентальных) критериев. В рамках мира и составляющих его фактов, т. е. в контексте явлений и процессов «здесь и сейчас», оценки выносить не получается. Но можно указать на состояния счастья или несчастья, как «мир счастья» и «мир несчастья», к которым приводят изменения в целом⁶.

Все вышесказанное, равно как и утверждения Витгенштейна относительно того, что границы мира и языка совпадают [Wittgenstein, 1922, p. 149], позволяет зафиксировать, что хорошие или плохие изменения не выражаются в языке, а точнее через язык. В итоге проблематичны утверждения по типу «я изменил мир к лучшему». Согласно Витгенштейну, все в мире меняется разом (наполняется или исчерпывается), когда в мире есть счастье или несчастье. Вместе с тем говорить об этом в деталях, как о фактах, нельзя. Причем это «нельзя» следует трактовать не в смысле этического запрета («не говори!»), а в техническом плане «не получится» или «не выйдет».

Таким образом, общие высказывания о благе не позволяют выявлять некоторые этические факты, но указывают на этические состояния или модусы. Строить суждения и тем самым «рассказывать» о выявленных модусах нельзя, но их можно демонстрировать. Как полагает Кристенсен, относительно сферы «показываемого» у Витгенштейна имеются вполне определенные представления. Эти представления не отсылают трансцендентальные по характеру типы знания – логические, этические – к миру Платоновских идей. Трансцендентальная суть логических принципов обусловлена их укорененностью в общих языковых формах и практическом применении этих форм. Причем практическое

⁴ В «Логико-философском трактате» находим: «Hence also there can be no ethical propositions. Propositions cannot express anything higher» [Wittgenstein, 1922, p. 183].

⁵ Витгенштейн уточняет: «6.421 It is clear that ethics cannot be expressed. Ethics is transcendental. (Ethics and aesthetics are one.) 6.422 The first thought in setting up an ethical law of the form “thou shalt ...” is: And what if I do not do it? But it is clear that ethics has nothing to do with punishment and reward in the ordinary sense. This question as to the consequences of an action must therefore be irrelevant. At least these consequences will not be events. For there must be something right in that formulation of the question. There must be some sort of ethical reward and ethical punishment, but this must lie in the action itself. (And this is clear also that the reward must be something acceptable, and the punishment something unacceptable.) 6.423 Of the will as the subject of the ethical we cannot speak. And the will as a phenomenon is only of interest to psychology» [Wittgenstein, 1922, pp. 183-184].

⁶ Витгенштейн непосредственно утверждает: «If good or bad willing changes the world, it can only change the limits of the world, not the facts; not the things that can be expressed in language. In brief, the world must thereby become quite another. It must so to speak wax or wane as a whole. The world of the happy is quite another than that of the unhappy» [Wittgenstein, 1922, p. 184].

применение языка трактуется как детерминированное самой такой обусловленностью, которая приобретает в некотором смысле абсолютное, т. е. безотносительное значение⁷. Из этого следует, что этические нормы также не выступают в качестве аналогов «вечных истин», но в целом задают способы выбора «что есть благо» (и тем самым отличие его от сферы не-блага), которые трактуются Витгенштейном как условия возможности выполнения такого различия, хотя и не позволяющие прояснить свое содержание в полной мере через язык. Ведущую роль приобретают те концептуальные положения, на которые опирается этическое суждение в тот или иной момент. В результате становится оправданным вывод, что в рамках мысли Витгенштейна даже утверждения, скажем, относительно убийств зависят не от самого факта, а от той этической концепции, которой руководствуются при интерпретации данного факта⁸.

Итак, трансцендентальный характер этики, в связи с которым нелогичным является выражать нечто определенное о добре и зле, верном и неверном и т. д., не допускает возможности построить этику как позитивную науку. Такая наука не сможет выработать отличительные характеристики для разграничения «добрых дел» и «плохих поступков» как конкретных фактов. В то же время это не значит, что этика вообще ничего не может сообщить о добре и зле в мире. Этика может быть проинтерпретирована не как научное знание, а как свод показательных случаев, изображений изменения мира к добру или ко злу, как счастью или несчастью, но изменений всего мира разом (вместе с самими инициаторами изменений), а не каких-либо частных подвижек в данном плане.

Характер высказываний в теории этоса науки

Данный раздел включает сопоставление позиций Витгенштейна и Мертона по вопросу природы этики вообще и этики науки в частности. Выбранное направление исследований предполагает, что проясняются эпистемологические аспекты проблематики. Тем самым под вопросом способы построения этики, а также процедуры выделения ее направлений с акцентом на этике науки. В связи с этим нет необходимости детализировать позицию Мертона, сосредоточив внимание на общих основаниях понимания этоса науки.

В обозначенном контексте этос науки выражается в принятии на эмоциональном уровне комплекса норм и ценностей, считающегося обязательным для человека науки. Связь с эмоциями и вообще с социально-психологической сферой подчеркивается Мертоном посредством указания на то, что комплекс норм и ценностей имеет эмоционально

⁷ Непосредственным образом Кристенсен утверждает: «What is shown is not something in the world, but something that shapes our dealings with the world, and as such it applies to the world with necessity. This necessity does not imply that one has to regard for example logic or causality as platonic or autonomous structures, as these conditions can be viewed as intimately tied to the practical dimension of mastering a practice, for example language. If you view logic in this way, the necessity of logic comes from it being a practical ability, which we have to possess in order to speak about the world. In the *Tractatus*, Wittgenstein thus sees the distinction between a practice and what conditions that practice as absolute, which means that these conditions cannot be expressed within the practice itself» [Christensen, 2004, p. 123].

⁸ Кристенсен прямо говорит: «Sentences such as ‘Murder is wrong’ show a limit for action and they are only necessary as long as they are taken as such, so by acting against it I change my very concept of ethics» [Christensen, 2004, p. 127].

окрашенный (affectively toned) характер своего формирования⁹. Нормы и ценности, следование которым делает человека в обществе «человеком науки», выражаются в виде запретов, предписаний, предпочтений. В том или ином виде, причем будучи необязательно сводом писанных правил, они проходят процедуру узаконивания (легитимации) в качестве институционализированных ценностей.

Акцент на психологическом моменте позволяет провести параллель между позициями Мертона и Витгенштейна. Одно из высказываний Витгенштейна, приведенное выше, отсылает свод этических предписаний к психологии. Точнее, Витгенштейн полагает нелогичным мыслить «волю» в качестве субъекта в рамках общей этики, хотя это и может составлять интерес для психологии¹⁰. Под «нелогичностью мысли» следует понимать не просто ошибку, а именно отсутствие логической возможности ввести в этическое знание волю как субъект.

Из приведенного сопоставления вытекает возможность (с оговорками) интерпретировать высказывания Мертона как один из вариантов конкретизации тезиса Витгенштейна о том, что если и обсуждать волю (т. е. и связанные с ней аффекты) в контексте этики, то только в социально-психологическом ключе. Именно рассуждения в этом ключе и предпринимает Мертон, описывая этос науки в общем виде.

Следующий момент, требующий анализа, – это связь этоса науки и норм запретительного характера. В этом отношении оправданным будет допустить, что поведение ученого регулируется нормами, общей формой которых является вид высказывания «ученый не должен...». Такая формулировка, но в позитивном общем ключе «ты должен...» фиксируется у Витгенштейна наряду с указанием на сомнительный характер санкций к нарушителям норм этики. Просматриваются как очевидные сходства (ориентация на долженствование и его социальный характер), так и существенные отличия этики науки в отношении этики в целом. Во-первых, в общей этике выделяется положительное требование сделать что-то, тогда как в этике науки предпочтение отдается отрицательному требованию не делать что-то. Во-вторых, общая этика ориентирована на внешние предписания («ты должен...»), тогда как в этике науки акцент ставится на коллективные нормы («ученый не должен...» как «представитель (некоего) сообщества не должен...»). Общая этика вполне допускает, что предписания делает человек, обращаясь сам к себе во втором лице. Этика науки по необходимости предполагает наличие сообщества, в рамках которого ученый что-либо не должен делать.

В то же время объем разночтений общей этики и этики науки не позволяет полностью отделить второе от первого и считать абсолютно отличающейся совокупностью утверждений. Варианты выдвижения норм в общей этике в принципе допускают возможность трансформации положительного требования «ты должен...» в разновидность запретительной нормы «ты должен не делать нечто в таком-то отношении». Витгенштейн предлагает понимать отрицание исключительно контекстуально¹¹. Вместе с тем в число

⁹ Дословно Мертон утверждает следующее: «The ethos of science is that affectively toned complex of values and norms which is held to be binding on the man of science» [Merton, 1973, pp. 268-269].

¹⁰ Витгенштейн прямо говорит: «Of the will as the subject of the ethical we cannot speak» [Wittgenstein, 1922, p. 185].

¹¹ Витгенштейн отмечает следующее: «People have been extremely worried about the idea of negation, and have tried to say that “not...” is really a disjunction. Is the proposition not-*p* the same as *r* or *s* or *t* or ...? Sometime

вариантов видоизменения общей формы «ты должен...» входят запреты на некоторые действия в науке: скажем, на нарушения требований универсализма, коммунитаризма, незаинтересованности и организованного скептицизма. Таким образом, легко увидеть, что нормы этики науки выводятся из норм общей этики, хотя и требуется уточнение контекста их применения.

Немаловажным моментом соотнесения позиций Мертона и Витгенштейна выступает анализ способов узаконивания (легитимации) ценностей в этике науки в сравнении с ценностями в рамках общей этики. При общей ориентации на эмоциональный фон складывания комплекса норм и ценностей в этос науки предполагается, что механизм узаконивания соответствует параметрам функционирования науки как социального института. В этом отношении этос науки проходит процедуру признания сообществом, достигающим некоторых целей и применяющим для этого определенные средства. Возможность эффективно выполнять свои функции предполагает положительное решение по вопросу принятия ценностей, входящих в содержание этоса науки. Затруднения в выполнении функций влекут за собой отрицательное решение по тому же вопросу. В отличие от этого механизм принятия ценностей в рамках общей этики не в полной мере ясен, поскольку, согласно Витгенштейну, нет возможности отличить конкретное деяние «доброй воли» от деяния «злой воли». В обоих случаях мир меняется, но не вполне ясен способ измерения положительного или отрицательного характера таких изменений, хотя общая степень счастья или несчастья и может быть субъективно оценена.

Таким образом, узаконивание ценностей в рамках этики науки и выбор ценностей в границах общей этики отличаются по содержанию. Вместе с тем довольно сложно отличить два этих механизма по форме. Значительную роль и в первом, и во втором случае играют эмоции, а не разум и логика. Однако, если в отношении узаконивания ценностей, входящих в этику науки, актуален прагматический критерий эффективности/неэффективности, то в случае общей этики справедливо указание на субъективность критериев оценки счастья и несчастья.

Намечающаяся трудность увидеть в научной этике раздел общей этики разрешается довольно просто. Прагматический критерий эффективности/неэффективности, реализуемый в рамках научного сообщества, вполне может быть понят как версия различения счастья и несчастья, связанное с действиями воли по изменению мира, но проявляющееся на персональном уровне. Из этого вытекает, что сумма персонального счастья, сложившаяся при коллективных действиях сообщества, вполне может быть отождествлена с эффективным характером оценок функционирования коллектива. Соответственно, неэффективность на коллективном уровне может быть представлена как сумма персонального несчастья.

it is, and sometimes it is not. As an example of the first alternative, consider the order: "Bring me a primary color but not yellow." This comes to: "Bring me red, or green, or blue, or black, or white." Negation and the corresponding disjunction are the same here, as "primary color" is defined by an enumeration. This is not the case with the order, "Paint me a color but not this red", or with the statement "He is in the house but not here". The order, "White the permutations of a , b , and c but not abc ", is like the example about primary colors. In most cases we can tell whether a negation is a disjunction or not. If we can say what the disjunction is, then negation is a disjunction, if not, not. Whether or not there is a definite number of alternatives that could be given, we do not always regard negation as disjunction» [Wittgenstein, 2001, p. 105].

Итак, высказывания в теории этоса науки показывают связь с вопросами психологии, но оказываются слабо связаны с логическими принципами рационального мышления. Поэтому высказывания в теории этоса науки несвободны от трудностей логического плана, аналогичных трудностям в процессе анализа общеэтических высказываний. Затруднительный характер прямой апелляции к формам высказывания по типу 'aRb' позволяет установить два принципиальных момента. Во-первых, вполне оправданно, что этика науки может быть дедуцирована из общей этики. Во-вторых, этика науки, равно как и общая этика, имеет трансцендентальный характер и потому не может быть (ясно и однозначно) выражена.

В заключение автор данной статьи полагает важным отметить, что попытка выдвинуть Мертоном совокупность тезисов относительно регуляции поведения и общения ученых в обществе в принципе вписывается в вариант концептуализации этики, предложенный Витгенштейном. Трансцендентальное истолкование научной этики приводит к совокупности логических вопросов относительно внутренней последовательности и непротиворечивости теории этоса науки. Это затрудняет понимание смысла норм и ценностей в рамках этики науки, но не лишает их значимости в плане демонстрации правил морали. Ориентируясь на данные правила, каждый член научного сообщества способен оценить собственное поведение, а сообщество в целом – выдвинуть обоснованные суждения о приемлемости или неприемлемости поведения своих членов.

Список литературы / References

Гончарко, О. Ю., Гончарко, Д. Н. (2016). Этика и/или логика в «Трактате» Л. Витгенштейна? *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. Т. 17. № 3. С. 107-114.

Goncharko, O. Yu., Goncharko, D. N. (2016). Ethics and/or logics in "Tractatus" of L. Wittgenstein? *Review the Russian Christian Academy for the Humanities*. Vol. 17. no. 3. pp. 107-114 (in Russ.)

Суровцев, В. А., Родин, К. А. (2020). «Заметки о цвете» Людвига Витгенштейна: от логики цвета – к социологии цвета. *Праксема. Проблемы визуальной семиотики*. Т. 24. № 2. С. 25-38. DOI: <https://doi.org/10.23951/2312-7899-2020-2-25-38>

Surovtsev, V. A., Rodin, K. A. (2020). Wittgenstein's "Remarks on colour": from colour logic to social studies of colour. *Praxema*. Vol. 24. no. 2. pp. 25-38 DOI: <https://doi.org/10.23951/2312-7899-2020-2-25-38> (in Russ.)

Christensen, A.-M. (2004). Wittgenstein and ethical norms: The question of ineffability visited and revisited. *Florianoópolis*. Vol. 3. no. 2. pp. 121-134.

Kulikov, S. B. (2020). Scientific Ethos and Foundations of Conscious Activity. *Integrative Psychological and Behavioral Science*. Vol. 54. no. 1. pp. 158-178. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12124-019-09483-6>

Merton, R. K. (1973). *The Sociology of Science. Theoretical and Empirical Investigations*. Chicago and London. The University of Chicago Press. 636 p.

Moore, G. E. (1922). *Principia Ethica*. Cambridge. Cambridge University Press. 277 p.

Richardson, A. (2004). Robert K. Merton and Philosophy of Science. *Social Studies of Science*. Vol. 34. no. 6. pp. 855-858. DOI: <https://doi.org/10.1177/0306312704042086>

Wittgenstein, L. (1965). I: A Lecture on Ethics. *The Philosophical Review*. Vol. 74. no. 1. pp. 3-12. DOI: <https://doi.org/10.2307/2183526>

Wittgenstein, L. (1922). *Tractatus Logico-Philosophicus*. London. Routledge & Kegan Paul. 189 p.

Wittgenstein, L. (2001). *Wittgenstein's Lectures, Cambridge, 1932-35: From the Notes of Alice Ambrose and Margaret Macdonald*. Ambrose, A. (ed.). New York. Prometheus Books. 225 p.

Сведения об авторе / Information about the author

Куликов Сергей Борисович – доктор философских наук, доцент, директор Гуманитарного научно-образовательного центра Томского государственного педагогического университета, Томск, Киевская ул., д. 60, e-mail: kulikov.sergh@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-0913-9290>

Статья поступила в редакцию: 07.12.2022

После доработки: 28.02.2023

Принята к публикации: 10.03.2023

Kulikov Sergey – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Director of Science and Education Center for Humanities in Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Kievskaya St., 60, e-mail: kulikov.sergh@gmail.com

The paper was submitted: 07.12.2022

Received after reworking: 28.02.2023

Accepted for publication: 10.03.2023